

ПРОТИВОРЕЧИВОЕ ВЛИЯНИЕ НА КУРДСКОЕ ОБЩЕСТВО КОНЦЕПЦИИ И ПРАКТИКИ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ

© 2025

В. В. Макаренко¹

В статье в связи с переменами в политике курдских партий в Турции, Сирии и Ираке рассматриваются признаки завершения тренда националистических революций на Ближнем Востоке, движущей силой которых было стремление политических партий и народов к созданию национальных государств (государств-наций), отмечается, что происходит разворот в сторону ресинтеграционных процессов, которые ведут в перспективе к воссозданию здесь федеративных отношений (государств-цивилизаций), которые, хотя и в более архаичной форме, но были более характерны для этой части мира.

Ключевые слова: распад континентальных империй, государство-нация, национализм, государство-цивилизация, Курдистан, Ближний и Средний Восток, Европа

Для цитирования: Макаренко В. В. Противоречивое влияние на курдское общество концепции и практики национально-освободительной борьбы. *Вестник Института востоковедения РАН*. 2025. № 3. С. 143–158. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-3-143-158

THE CONTRADICTIONARY INFLUENCE OF THE CONCEPT AND PRACTICE OF THE NATIONAL LIBERATION STRUGGLE ON THE KURDISH SOCIETY

Vadim V. Makarenko

In connection with the changes in the politics of the Kurdish parties in Turkey, Syria and Iraq, the article examines signs of the end of the trend of nationalist revolutions in the Middle East, the driving force of which was the desire of political parties and peoples to create nation-states (nation-states), it is noted that there is a turn towards reintegration processes that lead in the future to the re-establishment of federal relations (states-civilizations) here, which, although in a more archaic form, were more characteristic of this part of the world.

Keywords: disintegration of continental empires, nation-state, nationalism, state-civilization, Kurdistan, Near and Middle East, Europe

For citation: Makarenko V. V. The Contradictory Influence of the Concept and Practice of the National Liberation Struggle on the Kurdish Society. *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN*. 2025. No. 3. Pp. 143–158. DOI: 10.31696/2618-7302-2025-3-143-158

¹ Макаренко Вадим Владимирович, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; makarenko.vadim@yandex.ru

Vadim V. Makarenko, PhD (Econ.), Senior Researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, Moscow; makarenko.vadim@yandex.ru
ORCID: 0000-0003-1899-6320

Введение

В начале XX в. казалось, что возможны самые различные варианты (пути) развития ближневосточных стран и что все они смогут достаточно быстро перейти на новый социально-экономический уровень. Через столетие после революционной волны 1917–1927 годов стало ясно, что возможности революционного преобразования восточных обществ были сильно преувеличены. Долгое время доминирующей темой в курдских исследованиях была борьба курдского народа за свои права, которые понимались прежде всего как право на создание независимого курдского государства. Многие аспекты ситуации в Курдистане и вокруг него изучались именно с точки зрения оценки перспектив создания независимой курдской государственности.

Еще несколько лет назад усомниться в значимости борьбы за национальное освобождение и скорейшее формирование курдского национального государства было практически невозможно. Но сегодня понятно, что потенциал национально-освободительной борьбы на этом направлении исчерпан. Причина в том, что героические усилия курдов оказались напрасными, ситуация зашла в тупик. Россиянам это понятно, как никому: мы на собственном опыте осознали, что распад огромной континентальной державы на независимые государства означает далеко не прогресс, а крупнейшую геополитическую катастрофу, последствия которой, даже если и были отложены, все равно скажутся на народах, объединенных когда-то в ее составе².

Это было далеко не очевидно в 1990-е годы и оспаривалось в России еще в начале 2000-х, хотя страна уже обрела горький опыт чеченских войн. Это стало очевидно многим на Ближнем Востоке, когда после распада Османской империи, о которой и сегодня можно услышать не так много добрых слов, прошло более ста лет. Особенно отрезвляющим для Ближнего Востока стало падение крепких, державившихся десятилетиями, националистических режимов в Ираке (2003), а затем и в Сирии (2024). Нельзя отрицать успехи Сирии и Ирака в отдельные периоды их постимперской истории, но они оказались временными, а главное, обратимыми, поскольку те потрясения, через которые прошли эти страны, стали для их народов тяжелейшими испытаниями, из-за которых они не приняли предлагавшиеся им извне программы социально-политического развития. Оказалось, что западные по своей социокультурной сущности модели социально-политического развития, которые предлагали и капиталистический Запад, и социалистический Восток, не были способны обеспечить устойчивое развитие ближневосточных стран, поскольку навязывали им такую форму государственно-политического устройства, которая не позволяла этим странам адаптироваться к последствиям фундаментальных изменений в мире, сохраняя свои цивилизационные особенности.

² Путин объяснил, почему считает распад СССР крупнейшей катастрофой XX века. — РИА Новости, 13.06.2017. URL: <https://ria.ru/20170613/1496353896.html>. Это была резкая смена установок, скорее всего, и акцент был сделан В. В. Путиным специально, поскольку в 1990-е годы подход к феномену распада СССР сильно отличался. Так, Е. Гайдар (1956–2009) писал: «И. Яковенко справедливо отмечает: “Распад имперского государства не был отрефлексирован, не был адекватно проработан общественным сознанием. В России не нашлось ответственной политической силы, которая отважилась бы заявить, что с точки зрения целей самосохранения и воспроизводства русского народа распад СССР явился самой крупной удачей за последние полвека”» [Гайдар, 2012, с. 20]. — В этом заявлении самое важное, что оно отражает позицию интеллектуалов, оторгнутую к тому времени (текст И. Яковенко опубликован в 2005 году, а книга Е. Гайдара — в 2006 году. — В.М.), слоя правящей элиты 1990-х годов, свидетельствует об их теоретическом отношении, не изменившемся даже постфактум, к тому, как они строили государство в Новой России. У этой группы реформаторов была неоправданная вера в свои силы и расчет на то, что экономический рост позволит быстро излечить «имперский синдром»: «...опыт Франции, которой утрата империи далась нелегко, показывает: потребовалось несколько лет динамичного экономического роста, чтобы опасная для страны истерика, чуть не взорвавшая демократический режим, превратилась в мягкую, романтическую ностальгию по утраченному величию. Но в эти годы за сохранение демократии надо было бороться. В истории бывают моменты, когда роль личности особенно велика» [Гайдар, 2012, с. 21].

Форма национального государства не соответствует структурам сообществ Ближнего Востока

Народы вступали в XX в. с убеждением, что «самостоятельные национальные государства» — это «форма государства, наиболее соответствующая современным условиям», а «пестрые в национальном отношении государства (так называемые государства национальностей в отличие от национальных государств) — это «государства, внутреннее сложение которых по тем или другим причинам осталось непормальным или недоразвитым» (отсталым)» [Ленин, т. 25, с. 260–262]. Тому, чтобы эти представления приобрели силу предрассудка, предшествовал ошеломительный экономический успех первых капиталистических стран — Голландии, Британии и Франции, который связывали с победой в них буржуазных политических революций, устранивших традиционные сословные и религиозные связи, наличие которых в странах периферии рассматривали в качестве причины их отставания. Весь XIX в. пестрая в национальном отношении Османская империя считалась страной, отжившей свой век, подлежащей разделу на множество национальных государств. Европейские страны, мстя ей за страх, который она вызывала в них в предыдущие века, делали все, чтобы разрушить ее, но сделать это военным путем оказалось непростой задачей: Франция и Британия споткнулись уже в Египте, на самом лакомом куске Османской империи.

Первым реальным успехом, который воодушевил Европу, был отрыв от Османской империи небольшой части на юге Балканского п-ова, где было создано королевство Греция (1832)³. Он стал возможен только благодаря сложению разнонаправленных сил: с одной стороны, усилий западноевропейских держав, искавших возможности разрушить своего геополитического конкурента, а с другой — геополитически наивной России, движимой в основном желанием защитить православие и освободить славян от турецкого владычества, да еще получить свободу мореплавания в Черноморских проливах. Россия внесла свой вклад в освобождение будущей Греции, выиграв очередную войну у Османской империи (1828–1829), а западноевропейские державы главный упор сделали на разжигание национально-освободительной борьбы греков, которых они вдохновляли и материально поддерживали. Европейские державы объявили пестрое население южной части Балканского п-ова, состоявшее из греков, албанцев, славян, наследниками Древней Греции. Большая часть населения говорила на сильно искаженном греческом наречии («ромейка»), но не имела никакого представления о своих античных корнях и практически ничего не слышала о высокой греческой культуре. Европейцы убедили этих греков (население тогда составляло около 700 тыс. человек), что они заслуживают свободы от османов и в случае успешного восстания получают поддержку в создании национального греческого государства, и в конечном итоге подвигли их на восстание (1821–1829).

Греческая идентичность была сформирована усилиями западноевропейских философов, которые, начиная с эпохи Ренессанса, подчеркивали греко-римские корни западноевропейской цивилизации, представляя древнюю Грецию с ее агональной культурой⁴ прообразом индивидуалистической идентичности обществ буржуазной Европы. Западные культуртрегеры наделили население этого стратегически важного региона воображаемой национальной идентичностью, привнеся в страну через современную систему школьного образования греческую литературу, историю,

³ «Страна героев и богов// Расторгла рабские вериги// При песни пламенных стихов// Тиртея, Байрона и Риги.» — Пушкин А. С. Восстань, о Греция, восстань. URL: <https://www.culture.ru/poems/4886/vosstan-o-greciya-vosstan> (дата обращения: 15.05.2025).

⁴ «Агонистика (от греч. *agon* — соревнование, состязательность) понимается прежде всего как свойство эпической культуры... известный специалист в области античной философии и культуры А. И. Зайцев связывает с агонистикой культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э., положивший начало цивилизационному развитию Запада» [Драч, 2022, с. 18].

филологию⁵, а также оказывали ей мощную военно-политическую поддержку, позволившую агрессивно настроенному молодому королевству, стремившемуся через две тысячи лет «вернуться» в границы «Великой Греции», в три раза увеличить свою территорию в XIX веке⁶. Это была первая проба империалистической политики правительств Великобритании и Франции. Греция стала образцом создания национальных государств на отторгнутых от Османской империи территориях, которые та теряла в столкновениях с Россией, но которая так и не вышла за Дунай, а их основные геополитические плоды пожинали страны Европы, приобретая себе союзников и новые рынки. Греция расширила бы свою территорию еще больше, но потерпела поражение в греко-турецкой войне 1919–1922 годов, столкнувшись с турецкими националистами. Эта война стала прологом ближневосточных войн и внутренних межнациональных и межконфессиональных конфликтов, которые начались после разгрома Османской империи.

Мы сегодня без неуместной радости наблюдаем на территории бывшей Югославии завершающие фазы распада Османской империи⁷, где уже не Османская империя, а этнически и религиозно близкая нам Сербия пытается отстоять свои интересы, а албанцы настаивают на своих национальных интересах. Суть этого процесса в том, что европейские страны делают все, чтобы довести распад Османской империи до его логического конца — окончательного распада на десяток относительно небольших, монопациональных государств, у которых не останется другого выбора, как согласиться на любые условия их интеграции в новое европейское сообщество.

Это — Европа, а на Ближнем Востоке после распада Османской империи не удастся завершить процессы государственного строительства в Сирии, Ираке, Палестине. То, что мы наблюдаем там сегодня, — это агония ближневосточного постимперского пространства, которое никак не может найти государственно-политические формы, в которых страны, на которые оно было разделено, могли бы стабильно и устойчиво развиваться. Речь идет о формах как внутреннего (национального, государственного), так и регионального устройства. Множество неудачных попыток государственного строительства, предпринятых различными политическими силами, включая внешних акторов, в этих странах показывают, что им никак не удастся найти те государственно-политические

⁵ В XVII–XVIII веках в странах Западной Европы возникло движение «Греческое возрождение», участники которого, активисты-филозофы, разработали программу привнесения национального самосознания в Грецию. Они выступали на Западе ядром греческой интеллигенции, ставившее перед собой задачу возродить греческую нацию в том виде, в каком ее видели западные философы. Концепция национальной идентичности основывалась на представлениях о сохраняющейся издревле греческой культуре. Исходя из идеологических установок, выработанных в рамках историко-географических представлений своего времени, западноевропейцы подготовили идейную почву, кадры революционеров и приступили к воссозданию греческой идентичности на юге Балканского п-ва. Причина этой политики заключалась в стремлении элит Британии и Франции к колониальной экспансии на Ближнем Востоке, в частности желанием получить позиции в стратегически важном из-за близости Черноморских проливов и Суэцкого перешейка регионе мира.

⁶ Отметим, что никто ничего подобного не сделал для курдов. Российская имперская школа востоковедения была организована совершенно иначе и преследовала иные цели. В советское время все народы Азии рассматривались в прагматической манере, близкой британской, но под углом использования их протеста против империалистических держав (колониальных империй), однако не за счет апелляции к архаике, а путем ее полного отрицания, как и варианта капиталистической ориентации.

⁷ Программа послевоенного урегулирования Вудро Вильсона предполагала, что «Всем народностям, находящимся ныне под турецкой властью, следует гарантировать безопасность жизни и предоставить возможность свободного, самостоятельного развития... права (народов. — В.М.), независимо от того, сильны они или слабы, жить наравне с другими народами в условиях свободы и безопасности. Ни один из элементов этой системы международной справедливости не будет долговечным, если в ее основе не будет лежать этот принцип» [Четырнадцать пунктов Вильсона. URL: <http://www.grinchevskiy.ru/1900-1945/chetynadcat-punktov.php> (дата обращения: 07.06.2025)]. Проблема была в том, что идея В. Вильсона была понята, да и сам он понимал ее исключительно как независимость народов друг от друга, а о свободе и безопасности в рамках одного союзного или федеративного государства речь не шла. Даже сегодня нам трудно в полной мере оценить революционный, новаторский шаг В. И. Ленина, поставившего вопрос о России как федеративной республике, а затем было заявлено о Союзе республик, что было полным отказом от господствовавшей тогда в мире идеи национального государства.

формы, которые бы соответствовали социально-территориальной, культурно-цивилизационной организации их обществ, своеобразному культурному коду, доставшемуся по наследству от череды континентальных интегрированных империй, которые с разной степенью эффективности охватывали это пространство, периодически сменяя друг друга.

Основной причиной этих неудач, по мнению автора, явилась идеологическая установка на создание национальных государств по европейскому образцу. Даже папарабский проект Г. Насера был бы государством единой — арабской — нации, но препятствием к его реализации было то, что арабской нации на этот момент еще не было, на Ближнем Востоке существовала мусульманская умма, поскольку нация предполагает такой тип внутреннего единства, какого невозможно было достичь даже в этнически относительно гомогенном Египте, не говоря уже о Сирии, Ираке, Йемене, а тем более в масштабах всего арабского мира.

Ситуация в регионе стала меняться только после провала многочисленных попыток устранить по европейскому образцу межобщинные и межконфессиональные разделения на общегосударственном уровне, а также устранить внутри конфессиональных и этнических сообществ еще и родоплеменные или религиозные узы, определявшие солидарное поведение населения. На эти крайне затратные эксперименты ушло почти сто лет, наполненных взаимной враждой, принимавшей самые различные формы: протестов, восстаний, гражданских и межгосударственных войн, движущей силой которых было стремление к независимости или к бескомпромиссному отстаиванию того, что воспринималось как свои национальные интересы. Проблемы стран Ближнего Востока связаны с тем, что все получившие независимость страны и те народы, которые, как курды или армяне, претендовали на ее получение, видели свое будущее в виде суверенных национальных государств (государств-наций). Это, однако, привело к обострению противоречий и усилению межгосударственной конкуренции, а также к разрастанию внутри стран межэтнических и религиозных конфликтов. Конфликты, которые и так не прекращаются в регионе (например, арабо-израильский), приняли бы намного больший масштаб, не будь вмешательства великих держав, которые, опасаясь усиления позиций своих оппонентов, не допускали эскалации этих конфликтов. Кстати, после завершения холодной войны конфликты стали принимать хронический характер и становиться более масштабными и более кровопролитными. Горячие фазы арабо-израильских войн были скоротечными, а война в секторе Газа, начавшаяся 7 октября 2023 года, продолжается до сих пор (21 месяц). Это важно подчеркнуть, чтобы понять, что конфликтный потенциал Ближнего Востока сильно сдерживался великими державами. Это свидетельствует, что система национальных государств по типу той, что существовала в Европе до Второй мировой войны, где она сейчас также преодолевается, поскольку НАТО и Евросоюз — это формы интеграции Европы, не подходит для Ближнего Востока.

Не менее деструктивной является идея национальной независимости, если брать народы, населяющие ближневосточные страны, в том виде, как они были сформированы странами-победительницами в Первой мировой войне. Это при том, что народов, которые по численности обладают государствообразующим потенциалом, немного: арабские народы (египтяне, палестинцы, саудовцы и т. д.), турки, курды, евреи. Отношения этих народов, охваченных идеей создания национальных государств, отличаются повышенной конфликтностью. Так, курдско-арабское противостояние в Ираке прошло много разных фаз, включая те, которые можно квалифицировать как геноцид (Анфаль, 1987–1989 годы), и оно не прекращается уже 60–70 лет, а то и более, если вести отсчет с восстания шейха Махмуда Барзанджи (1924–1927), который попытался создать курдское королевство сразу после распада Османской империи, апеллируя и к Советской России, и к западным

странам. Более сорока лет длится курдско-турецкий конфликт, который имеет трансграничный характер и оказывает влияние на весь регион и даже на Европу.

Государство-федерация (государство-цивилизация) — выход из состояния государственно-политической неустроенности на Ближнем Востоке

Альтернативой национальному размежеванию является сохранение единства народов, населяющих ближневосточные страны, с признанием значимости их идентичности, это — перспективный путь строительства общего государства, на который в последнее время выходят страны Ближнего Востока, пока еще непоследовательно и путем проб и ошибок. Наибольший прогресс связан с Иракским Курдистаном, где основные курдские партии не были рьяными борцами за независимость курдов от Ирака, а скорее вынужденно обращались к этой теме — только для того, чтобы показать, что при жесткой националистической позиции арабов Ирака у курдов не останется другой альтернативы, кроме как добиваться независимости. По сути, именно позиция основных курдских партий — ДПК и ПСК — в наиболее сложный период истории страны после свержения режима С. Хусейна, когда реально была возможность заявить о своей независимости, способствовала сохранению единства Ирака и утверждению в стране демократических принципов построения и функционирования государственно-политической системы, хотя пока страна переживает этап становления демократии как демократии вооруженных этнических групп, причем это касается не только курдов, но и арабов. Это, безусловно, демократия переходного периода, но она имеет все возможности развиться в зрелую демократию. Это вариант развития, близкий к североамериканскому, где развитие политической системы общества, в отличие от Европы, пошло в начальный период истории США по модели федеративного (союзного) государства.

Совместному строительству государства в Ираке препятствовала позиция арабских националистов (преимущественно суннитов) из числа тех, кто по-прежнему стремился создать в Ираке именно арабское национальное государство по европейским рецептам, и отводил курдам роль зависимого меньшинства, от которого они при случае готовы избавиться тем или иным способом: ассимиляция, изгнание/вытеснение и в крайнем случае — геноцид. Иракские курды испытали на себе все эти виды воздействия при режиме С. Хусейна. Только активная проамериканская позиция курдских партий в годы подготовки США смены режима С. Хусейна позволила курдам защитить свои права на исторические территории в Ираке. Права курдской автономии были признаны мировым сообществом, хотя и за курдами не признали права на немедленное отделение и образование собственного национального государства. Но курды осознают, что появление независимого Курдистана привело бы к возникновению очередного конфликтного узла на Ближнем Востоке.

В Ираке отход курдских и арабских партий от установок на создание мононациональных государств начался в ходе совместной борьбы арабов (преимущественно шиитов) и курдов против тоталитарного режима С. Хусейна. В этот период начало складываться сотрудничество курдских и арабских партий, которые стали лучше понимать свои общие интересы, а также признавать друг в друге партнеров по строительству будущего государства в Ираке. С падением националистического режима в Ираке (2003) это изменение позиций курдских и арабских партий было зафиксировано в конституции Ирака, который стал федеративной республикой. Курдские партии стали лидерами в проведении курса на реинтеграцию своего региона в Ирак, хотя время от времени, наталкиваясь на бескомпромиссную националистическую позицию новых арабских партий, появившихся или набравших силу уже после падения режима С. Хусейна, они были вынуждены прибегать

к угрозам занять более жесткую позицию в вопросе национального самоопределения и даже поставить вопрос об отделении Курдистана.

Руководство Иракского Курдистана озабочено не отделением от Ирака, а тем, чтобы сохранить и защитить свою де-юре автономию, которой некоторые арабские и исламские партии, настроенные на арабский или исламский унитаризм, были готовы положить конец де-факто, если бы это позволили обстоятельства, как это случилось после 1970 года, когда автономный статус Курдского региона был впервые признан Багдадом на базе курдско-арабского соглашения (11 марта 1970 года), а затем в 1973 году отменен. За двадцать или даже за тридцать лет, поскольку считать нужно не с 2003 года, когда был свергнут С. Хусейн, а с 1991–1992 года, когда силой западных стран был обособлен Свободный Курдистан, курдам удалось получить свой национальный — курдский — регион, но парадоксальным образом это стало не началом распада Ирака, а оказалось фактором сохранения его целостности, потому что была создана правовая модель сохранения единства глубоко расколотого иракского общества, в котором водоразделы проходят не только между курдами, шиитами и суннитами, но и внутри каждой из этих крупных общин, делящихся на племена и племенные федерации, на сельские и городские религиозные и просто соседские, в том числе и городские, общины, претендующие на юрисдикцию на своих территориях. Сегодня есть признаки, что процесс революционных потрясений в Ираке закончился и эта богатейшая по своим ресурсам страна входит в фазу строительства государства, создания собственной экономики и обретения общегосударственной идентичности не вместо, а наряду с базовыми идентичностями, присущими этническим и конфессиональным группам, что не удалось прежним правительствам Ирака из-за их догматической позиции построения национального — исключительно арабского — государства. Ключом к этому успеху стала установка не на раздел территории когда-то османских вилайетов на моноэтнические или моноконфессиональные государства, а, наоборот, реинтеграция социально-территориальных общин (общностей) Ирака в федеративное образование путем признания того, что их наличие является неотъемлемой цивилизационной особенностью Ирака, политической нормальностью, отличающей страны Ближнего Востока от Европы.

Финальным аккордом кризиса в процессе становления нового Ирака стали бурные 2014–2021 годы, когда, с одной стороны, было покончено с радикальным традиционалистским исламом и его попытками воплотить в реальность воображаемую раннеисламскую государственность (по образцу исламских халифатов), а, с другой, сорвался последний курдский демарш с демонстративно организованным референдумом по вопросу о независимости Курдистана. Также важно, что Ирак собственными силами и при поддержке международного сообщества, и прежде всего США, восстановил свою политическую самостоятельность в отношении Ирана, сыгравшего огромную роль в восстановлении суверенитета Ирака после американской оккупации (2002–2011), и особенно в защите страны от ИГИЛ (запрещенной в РФ организации). Принципиально важно то, что решение иракских проблем было найдено на путях интеграции страны с сохранением внутренних различий.

Реинтеграционный разворот сирийских и турецких курдов

Сегодня мы видим, что геополитическая партия, в которой только начали использовать курдскую карту в 1958 году, когда Мустафа Барзани был направлен из СССР в Ирак, чтобы поддержать начавшуюся там демократическую революцию, уже практически завершена. В октябре 2024 года состоялись контакты лидера Партии националистического движения Девлета Бахчели

с Абдуллой Оджаланом⁸. 8 декабря 2024 год пал режим Б. Асада в Сирии, а 27 февраля 2025 года прозвучал призыв А. Оджалана прекратить сопротивление и распустить РПК: «Проведите конгресс партии и примите решение о добровольной интеграции с государством». В заявлении Конгресса РПК было сказано, что «борьба РПК разрушила *политику отрицания и уничтожения нашего народа* (курсив мой. — В.М.), вывела курдский вопрос на этап урегулирования посредством демократических и политических методов. В этом отношении РПК выполнила свою историческую миссию.»⁹ Это не только справедливый вывод — он указывает на изначальную причину, которая привела к вооруженному сопротивлению: курдам пришлось бороться за восстановление своей этнической субъектности, которую кемалисты отменили как на законодательном уровне, так и путем геноцида курдов при подавлении восстаний 1920-х — 1930-х годов в Дерсиме и других районах их компактного проживания.

10 марта 2025 года было подписано соглашение об интеграции курдов в состав Сирии¹⁰. Принципиально вопрос о том, кто победил, стоять не должен, потому что стороны пришли к соглашению, что необходимо восстановить единство страны с соблюдением прав всех ее общин. Решение проблем, связанных с осуществлявшейся ранее дискриминацией курдов, друзов и других этноконфессиональных сирийских общин, найдено не путем разделения Сирии на моноэтнические государства (это путь, по которому шла Франция в период управления Сирией на основании мандата Лиги наций), а путем установления в стране должного способа межэтнического общения, что идея нации-государства полностью отрицала.

Курдов нельзя упрекнуть в отсутствии храбрости, героизма, готовности пожертвовать своей жизни за свой народ, более того, можно быть уверенными, что эти качества потребуются курдскому народу и в будущем, поскольку оружие можно сложить только на определенных условиях, но, тем не менее, следует сделать вывод, что цели и задачи борьбы курдов и ее способы были надуманными, ложными, провоцирующими, поскольку политические лидеры народов бывшей Османской империи — греки, турки, армяне, курды, арабы — были заражены идеей не столько национального освобождения, сколько обособления, выгораживания «своей нации» или формирования воображаемой политической нации. В курдском случае это было бы крайне непростой задачей, учитывая многодиалектность курдского этноса и его многоплеменный состав. Неудивительно, что эти устремления лидеров разных народов вылились во взаимное ожесточение и привели, по сути, к многоплановой гражданской войне не только между турками и национальными меньшинствами (греками, армянами, курдами), но и внутри каждой из этноконфессиональных общин, а также соседних общин между собой (курды vs армяне).

Активности курдской интеллигенции способствовал феномен революционной волны, которая после Первой мировой войны охватила значительную часть Евразии [Розов, 2017, с. 5–19]. В ослабленном виде революционный подъем повторился и после Второй мировой войны, которая

⁸ В октябре 2024 года Д. Бахчели пригласил А. Оджалана выступить в парламенте с официальным призывом к роспуску РПК, что потенциально могло бы открыть путь к юридическому процессу, чтобы освободить А. Оджалана в соответствии с принципом «права на надежду».

⁹ «В начале 2025 года Анкара резко активизировала усилия на этом направлении. Формально Турция выдвинула ультиматум, заявив, что РПК должна сложить оружие или будет уничтожена. Параллельно с этим власти давали сигналы к тому, что готовы рассматривать политические варианты урегулирования. Министр Турции разрешил депутатам официальной прокурдской Партии демократии и равенства народов несколько раз посетить Оджалана в тюрьме. В конце февраля Оджалан призвал все связанные с РПК формирования сложить оружие, прекратить конфликт с Анкарой, а саму партию — самораспуститься.» — Рабочая партия Курдистана объявила о самороспуске. — ТАСС, 12.05.2025. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/23915369/>.

¹⁰ «Сирия должна оставаться единой. Между государством и всеми общинами должен существовать социальный договор для обеспечения социальной справедливости», — приводит слова аш-Шараа телеканал Suria.

«Мы подходим к решению вопросов, используя институциональную и правовую логику. И мы стремимся добиться лучшего для сирийского народа. Надо, чтобы у нас присутствовало государственное мышление, а не мышление оппозиции», — добавил он.» — Аш-Шараа: в Сирии должен быть социальный договор между государством и общинами. ТАСС, 17.12.2024. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/22688797>.

на этот раз привела к падению колониальных империй европейских государств (Великобритании, Франции, Голландии и др.) и народно-освободительным (революционным) движениям во многих странах Азии, Африки и Латинской Америки. В рамках последней революционные события произошли в Индии, Иране, Индонезии, Египте, Алжире. Они оказали влияние на курдов, чье освободительное движение было вызвано не только внутренними условиями, но и революционным подъемом в регионе и в мире. Так было после Первой мировой войны, когда курды в ряду других народов, прежде всего глядя на соседних армян (а сразу вспыхнула конкуренция и за конкретные территории, которая еще в 1918–1920-х годах привела к курдско-армянским столкновениям) попытались заявить и даже поспорить с соседями о своих правах. С ликвидацией халифата (1924) и султаната (1922) острота проблем только возросла¹¹. После Второй мировой войны в Иране курды попытались последовать за азербайджанцами, создав Мехабадскую республику (1946), но опять неудачно. Революционный запал сохранился в Ираке, где навязанная стране королевская династия не могла найти общий язык с автохтонной традиционной элитой, что привело к ее свержению в 1958 году и к началу цикла правления революционных режимов, который закончился только со свержением С. Хусейна в 2003 году силой внешних акторов. На этот раз иракские курды оказались более подготовленными за счет того, что, во-первых, не прервалась линия сопротивления, которая тянулась из послевоенной революционной волны: ее сохранили ДПК и ПСК, в значительной степени продолжившие линии, начатые в Мехабадской республике и в ходе Сентябрьского восстания в Иракском Курдистане (1961–1975), включая персональную и институциональную преемственность (семейства Барзани, Ахмед–Талабани); во-вторых, в Иракском Курдистане восстание 1991 года получило поддержку и смогло создать революционный плацдарм — Свободный Курдистан (1992–2003), который был использован в период 2003–2017 годов для укрепления позиции курдской автономной государственности в Ираке относительно арабской части страны. Этот потенциал позволил курдам после спада первой волны постсаддамовских революционных изменений в основном удержать свои позиции в Ираке. Однако это произошло главным образом благодаря тому, что ДПК и ПСК проводили политику интеграции курдского этнорегиона в Ирак, отстаивая и расширяя права региона как автономной составляющей Ирака, тогда как попытка ДПК повысить ставки в ходе референдума о независимости в 2017 году и заявить о своей более сильной позиции с претензией на внутреннюю унитарность (президентское правление на основе общерегиональных выборов в условиях внутреннего кризиса в ПСК в связи со смертью Дж. Талабани) и одновременно на независимость от Ирака привела к потере части завоеванных регионом позиций. Это подавление, по сути, курдской революционной волны, растянувшейся на десятилетия благодаря подпитке революционной энергией от потрясений в Иране (1946, 1953, 1979) и в Ираке (1958, 1963, 1968, 1991, 2003), произошло в значительной мере из-за вмешательства традиционных региональных игроков (Ирана и Турции) при пассивности внерегиональных держав, которые до этого в своих интересах продвигали курдский вопрос, но, как оказалось, видели его только как часть общиракского политического обновления.

Падение режима партии Баас в Сирии (2024) обнаружило, что в лагере оппозиции, который представлялся очень пестрым по своему составу, подспудно шли процессы осознания того, что основой развития Сирии может быть только инклюзивное политическое участие всех других сирийских

¹¹ Проблемы же начались практически сразу после отказа от ислама как государственной религии, которая связывала разрозненные общины в единое целое. Это привело к протестам, особенно серьезным в курдских регионах, но правительство безжалостно подавило курдские восстания шейха Саида (1925 г.), на горе Арарат (1930 г.) и в Дарсиме (1937–1938 гг.). Более того, власть во главе с Ататюрком предоставила чиновникам «широчайшие полномочия в вопросах подавления любых проявлений оппозиции режиму». И так оно действовало не только в чрезвычайных, но практически во всех сколько-либо спорных вопросах, связанных с реализуемой ею программой реформ [Шлыков, 2015, с. 37].

общин — суннитов, алавитов, курдов, друзов — в политических процессах для достижения прочной политической устойчивости, безопасности и экономической стабильности в стране. В результате чего лидеры оппозиции смогли занять более продвинутое положение, чем силы, стоявшие за режимом Б. Асада, в том числе и в отношении признания интересов социально-территориальных общностей. Это касается и курдской общности, которая за время гражданской войны в Сирии выработала весьма развитые политико-административные формы, создав Автономную администрацию Севера и Востока Сирии.

Изменения в Ираке и Сирии были частью процессов, которые привели к пересмотру позиции Рабочей партии Курдистана (РПК). Позиция партии была сформулирована в заявлении Абдуллы Оджалана, ее основателя и лидера, о прекращении вооруженной борьбы против турецкого государства и роспуске партии (2025). Это подвело итог сорокалетнему периоду руководимой ею повстанческой борьбы на территории Турции, в существенной степени затронувшей курдские районы Сирии, Ирака и Ирана. Аналогичные шаги уже ранее предпринимались А. Оджаланом в 2002 и 2013 годах, но примирения с турецким государством не произошло из-за неконструктивной позиции властей Турецкой Республики, которые были не готовы признать права курдов как этнической общности. Перспективы примирения и сейчас все еще под вопросом, но это не может опровергнуть тот факт, что повстанческое движение, поднятое РПК двадцать лет назад, исчерпало свои возможности и настала пора перейти к мирным формам защиты курдских интересов. Закончился период в сорок лет, период жизни двух поколений курдской молодежи, которые были втянуты в это движение: если брать курдских лидеров, то это — поколение Абдуллы Оджалана, 1949 г. рождения и поколение Музалума Абди, 1967 г. рождения. Курдскую молодежь воодушевляла вера в возможность добиться независимости Курдистана, тем более что тогда аналогичную цель ставили перед собой курдские партии в Ираке. Для них примером были палестинские боевики, которые сражались за возвращение своих территорий, оккупированных Израилем. Нынешний призыв к примирению — это не просто отказ турецких курдов от вооруженной борьбы, это принципиальная смена стратегии. Это — отказ от сепаратизма и переход к политике реинтеграции курдов в турецкое сообщество, архитектура которого за эти годы также существенно изменилась.

Является ли это поражением курдской освободительной волны или это другой феномен, а именно — возвращение к нормальному состоянию пространства Ближнего Востока, которому свойственно интегрированное, а не агональное состояние? Верно второе. Это свидетельствует, что начавшееся после распада Османской империи движение Ближневосточного региона в идеологически навязанном ему неверном направлении завершилось осознанием того, что в Турции, Сирии, Ираке, Палестине такая форма организации пространства стран невозможна. Это сделало неизбежным возвращение народов, тысячелетия существовавших рядом и в составе единых государственных образований, к прерванному диалогу. Он необходим, чтобы восстановить единство народов на принципах, которые были свойственны их материнской — «средне-ближневосточной» — цивилизации.

Континентальные интегрированные империи как форма организации Среднего и Ближнего Востока

Цивилизации в Азии существовали тысячелетиями, образуя макрорегиональные системы: дальневосточную, средне-ближневосточную и южноазиатскую. Обычно конкретно-исторические государственные образования в континентальной Азии принято называть империями, хотя понятие «империя» не передает смысла и сути этого объединения (сообщества), делая акцент на силовой составляющей государственного устройства, что не отражает особенностей их

государственно-политической организации. Вслед за Л. И. Рейснером было бы правильнее называть их «межрегиональные системы социальной связи» [Рейснер, 1993, с. 2]. Безусловно, это сущностное определение этого феномена, который каждый раз предстает в виде конкретных субъектов исторического процесса типа исламских халифатов или Османской империи. Периодически эти державы проходили через кризисы, которые иногда вели к их вхождению в турбулентное состояние, а то и приводили эти образования к распаду на части, но в конечном итоге все они завершались реинтеграцией. Последний раз распад средне-ближневосточной системы произошел в момент, когда она была в форме бицентричной османско-персидской системы, установившейся в конце XV — начале XVI вв. после изживания предшествующей многополюсной региональной системы, которая базировалась на Восточно-римской империи, с трудом сдерживавшей мощный среднеазиатский напор и одновременно уравнивавшей влияние исламских халифатов при значительном европейском влиянии, несмотря на уход основной массы крестоносцев из Палестины.

В любом случае, описывая этот макрорегион, необходимо говорить об истории целостного континентального (по масштабу) интегрированного образования (общности), которое, скорее, в силу ухудшения климатических или геополитических условий меняет формы своего существования, приспособляясь к изменениям. При этом его главная тенденция — сохранение этого пространства в интегрированном виде, поскольку распад на социально-политические структуры меньшего масштаба и сложности чреват социально-экономической деградацией, утратой уровня культурного развития и угрозой утраты традиционной идентичности. Это и произошло, когда Османская империя была развалена.

В результате такого рода усилий эта форма организации этой части мирового пространства была разрушена. Что стало возможно, когда внешними силами, к тому времени охватившими и поделившими весь мир, была преодолена защищавшая эту империю ее региональная замкнутость. Силы оказались слишком неравными. В какой-то период это казалось концом существования подобного типа обществ. Все были уверены, что ее части, как и части других азиатских империй, превратятся в более или менее стандартные моноэтнические государства, как в Европе. В момент распада Османской империи казалось, что новые страны превратятся в национальные государства. На Ближнем и Среднем Востоке курды, даже будучи включенными в имперские структуры, традиционно занимали лимитрофное положение, что с распадом империй и в условиях естественной для этого момента исторического развития слабости ее базовых — персидской, тюркской и арабской — основ, на которых формировались имперские структуры, позволило курдам поднять голову и несколько десятилетий играть непропорционально значительную роль, вообразить себя реальными наследниками Салах эд-Дина и даже заявить претензии на создание 40-миллионного Великого Курдистана, явно по аналогии с Великой Грецией, Великой Сирией [Pipes, 1990] и другими похожими политическими иллюзиями, которые породил распад империй после Первой и Второй мировых войн [Розов, 2017].

Тем более что крушение Османской империи произошло почти одновременно с падением и других континентальных империй Востока — российской, персидской, китайской, что казалось волной обновления, охватившей весь мир. После Второй мировой войны не устояли колониальные империи Великобритании, Франции и Голландии, пытавшихся удержать постимперские пространства в состоянии относительного порядка, но не справившихся с этой слишком амбиционной задачей: чем больше было сопротивление колониальных метрополий, тем выше была революционная волна. Франция отстаивала свои неоимперские интересы сильнее, поэтому в ее колониях революционный подъем был выше, а протесты приняли более радикальный характер (Алжир, Ливия, Французский Индокитай). Великобритания предпочитала договариваться и начала передавать власть,

не дожидаясь кульминации протестов (отказ от мандата в Ираке, 1932), поэтому на подчиненных ей территориях переход к независимости происходил в более консервативных, часто в монархических формах. На ниспадающей траектории эти революционные события оказали влияние на формирование курдского революционно-освободительного движения.

Условия формирования в Европе модели национального государства

Обычно в число разрушенных после Первой мировой войны империй также включают Германскую и Австро-Венгерскую, но с точки зрения истории это были по своему генезису разные образования, и их появление, как и исчезновение, было чисто политическим, всего лишь моментом в жизни Европы, которая, несмотря на неоднократные попытки сплотить пространство континента в одних руках, так и не достигла уровня континентальной империи. Полное подчинение территории расселения германских племен оказалось не под силу крестоносной элите, которая не смогла ее полностью зачистить от автохтонных общин¹². Эти основы сказываются в социально-политическом и административном устройстве Германии, где до сих пор сохраняется развитая система местного самоуправления.

Что же касается западной, и особенно северо-западной Европы, включая Британию, то она, наоборот, пошла по пути окончательного обособления национальных государств (государств-наций) из так и не состоявшихся как целостные образования теократического государства римской католической церкви и Священной Римской империи, в том числе и в силу более мощного автохтонного населения в оказавшихся под их управлением территориальных ареалах. Именно в Западной Европе сложился субрегион государств-наций, который характеризовался не только особым способом общения, утвердившимся в этой части света, но особой внутренней структурой общества, в котором были устранены внутренние организационные составляющие, а отношения власти-тителя и подданных приняли прямой характер: «Непосредственной отправной точкой этого развития была в большей части случаев более или менее четко выраженная «абсолютная» монархия, в которой индивид считался «подданным» своего монарха [Парсонс, 1998, с. 36]. Это стало возможно, потому что внутренние отношения в этих европейских странах, созданных откатившимися с Ближнего Востока и Восточной Африки крестоносцами, утратили этническую определенность (которая связана с коллективной, т. е. солидарной защитой членами родоплеменных, соседских и религиозных общин своих прав), а стали сословно-классовыми, отношениями пришедшей элиты и автохтонных низов общества. Они приобрели гражданский характер, поскольку в них совершенно по-новому были определены «пограничные отношения между социальным сообществом и правительством или «государством». Критическим аспектом этих новых границ стало определение «прав» гражданина, защита которых превратилась в первейшую обязанность государства» [Парсонс, 1998, с. 36–37]. Это стало возможно, поскольку низы были лишены права на коллективную защиту, а их родовые и религиозные общности, обеспечивавшие ранее их солидарность, были поставлены вне закона. Изменение внутренней структуры европейских обществ, устранивших родоплеменные и религиозные узы, увенчалось формированием в европейских странах универсальной (общегосударственной) идентичности, превратив их население в граждан, а страны — в государства-нации.

¹² Специалисты обращают внимание, насколько много терминов, связанных с понятием община, сохранилось в немецком языке, в отличие от английского и русского: «Там, где мы располагаем только терминами «общность» и «община» (а в английском имеется только community), немецкий язык предлагает до десятка однокоренных слов — от *Gemeinschaft* до *Vergemeinschaftung* и от *Gemeinde* до *Gemeinderschaft*.» [Ионин, 2016, с. 26].

Отличие европейского мира от восточного осознавалось, но европейское устройство воспринималось и до сих пор воспринимается как пик (венце) развития, каким Европа¹³ и, конкретно, прусское государство, островок господства Тевтонского ордена, было отражено в философии Гегеля, который представлял развитие Европы как снятие цивилизационного качества Восточного мира и его буквального переноса на новую территорию как некоторой эстафеты, символизирувавшей возможность развития там новой общности, вырастающей в цивилизацию, превосходящую предыдущие. Европа стала переносом на Запад исторически наработанной культуры Древнего мира в сиятой форме, проявившейся в ее высоком культурно-технологическом развитии, которую оторвали в качестве цивилизационного семени от ее восточного — материнского (родоплеменного) — основания. Это был выброс созданного в регионе, где греко-римская культура завершила формирование агонального культурного кода, специфической закваски, «предрасположенности»¹⁴ к определенному типу социально-политического развития, в новую географическую нишу — Европу, где в течение пяти-шести веков шло его вызревание и становление. Эта действительно «варяжская» (в смысле ее привнесённости на захваченную территорию¹⁵) культура легла в основание строительства государств в средневековых странах Западной Европы, где она дала совершенно иной результат, чем развитие социально-территориальных общностей на органичных им и не изживаемых внутри них родоплеменных основаниях в странах Востока, погрузившихся в социально-экологический кризис, который страны БСВ преодолевали через ислам и трансформацию общества на базе кочевой родоплеменной культуры, сохранившейся в подавленном состоянии на периферии греко-римского Ближнего Востока. Так возникла противоположность Запада и Востока, которую Восток, не понимая природы существовавшего различия, попытался в XIX–XX вв. преодолеть в ходе модернизации, в основу которой легла попытка создания на Востоке государств-наций по европейскому образцу.

Причины различий в динамике развития макрорегионов не были поняты, а цивилизационная инерционность Востока стала рассматриваться как абсолютная потеря темпа и вообще способности к развитию: «“Глубокий сон” и “дряхласть” “недвижного” Востока стали самыми распространенными метафорами в Европе.»¹⁶ В этом контексте падения континентальных империй выглядели актами прогрессивного обновления мира, но пространство бывших империй там, где квазиимперские формы не были восстановлены, так и не обрело стабильности после волны революций начала XX в. Однако в базовых странах этой части Азиатского континента, которые, в отличие от Германской империи и Австро-Венгрии, не потерпели полного военного разгрома, революции завершились не распадом на республики или иные независимые образования, с чего они

¹³ «Всемирная история направляется с Востока на Запад, так как Европа есть, безусловно, конец всемирной истории, а Азия — ее начало» [Гегель, 1993, с. 147].

¹⁴ С. И. Лапшин разъясняет, что «объективная идея Гегеля есть генетический код развития живой природы»... Идея растения содержится в зерне, ... идея человека — в ребенке» [Лапшин, 1992, с. 71]. Продолжая этот ряд, можно добавить: идея Запада заключалась в греко-римской агональной культуре, культуре героев, культуре воинского слоя, образующавших господствующий слой, уже в месте своего рождения и многовекового развития паразитировавший на илотовском и ином рабском (в любом случае не свободном и чуждом верхам общества) этническом основании, превращенном в эксплуатируемую социальную базу. «Пайдейя» (В. Йегер), в которой выражалась микенская идентичность, была механизмом сохранения особой организации бытия господствующего слоя, способом его воспроизводства, она «никогда не теряла своей основной цели сохранения и защиты государства и не выходила за пределы городских стен, не распространялась на рабов, метеков и иностранцев» [Драч, 2022, с. 22].

¹⁵ «Агонистика, а вернее, достижение в ее результате успеха и победы превращается в единственную непосредственно значимую цель и священнодействие, становится доминирующим типом поведения, который и лег в основание европейской культуры... Цивилизация Запада (стоит поправить: не сама цивилизация, а ее идея, исходный культурный код. — В.М.) представляет собой продукт и результат сформировавшейся в античном мире системы ценностей и соответствующего ей образа жизни» [Драч, 2022, с. 20].

¹⁶ Иванов П. А. Упадок Востока и переход мировой гегемонии к странам Западной Европы // Восток. 1994. № 4. URL: <https://vostlit.info/common/Stat/Ivanov/text.php?id=111> (дата обращения: 31.05.2025).

начинались или что пытались навязать им Великобритания и Франция (Севрский договор, 1920), а восстановлением, хотя и с претензией на качественно новую, современную форму государственного устройства, по сути прежних образований, сохранивших в своем составе множество этнокультурных общностей. Так произошло в Турции, России, Китае, где процессы имели свою модернизатскую специфику и даже были представлены как коренное, революционное обновление. В силу остроты развернувшейся политической борьбы восстановленная форма политической организации обществ отличалась существенными отклонениями от прежнего способа общения, который до этого столетиями поддерживал их относительную стабильность (безусловно, не без периодических кризисов). Влияние европейского примера было настолько сильно, что даже в тех случаях, как, например, в России, где было невозможно преодолеть многонациональный состав, население представлялось как новая — универсальная, лишенная этнической определенности — общность людей. Этническая и религиозная идентичность населения не была утрачена в глубине народа и в итоге нашла выход в распаде советских государственных форм. Но сейчас мир склоняется к тому, чтобы признать государство-цивилизацию, имеющее многонациональный состав, новым пиком государственного развития [Наумкин, 2020; Лукин, 2023].

Заключение

В восточных странах, ставших на путь модернизации, причину внутренней нестабильности видели в застойности и отсталости своих стран, препятствующих их переходу на новый уровень развития, на котором основной формой государственно-политического устройства было государство-нация, желательно моноэтническое. Почти весь XX в. эта европейская просвещенческая идея воспринималась в мире и особенно интеллигенцией отставших от Европы стран, учившейся у европейцев, как непреложная догма, поскольку вся мощь западного Просвещения, а еще более военная мощь Европы убеждала, что государство-нация — это пик, вснец социально-политического развития. Революции рассматривались как наиболее эффективный путь перехода к этому состоянию. Это подтверждал «пример» общественных преобразований в Европе, которая в XIX в. прошла через период буржуазных революций, завершившихся появлением национальных государств в ряде стран Европы. Период революционного обновления в Европе получил название «Весны народов». Это была серия взаимно провоцирующих и взаимно подпитывающих друг друга социальных и национально-освободительных восстаний, а также связанных с ними политических кризисов в Западной и Центральной Европе в 1848–1849 годах. На основе этого опыта сформировались теоретические представления о том, что переход к новому строю, так же как и национальное освобождение, будет носить революционный характер, и о том, что такого рода революции в различных странах будут взаимосвязанными, будут проходить более или менее одновременно, т. е. станут своеобразной «волной революций». Путь создания национальных государств рассматривался всеми революционерами в азиатских империях как наиболее быстрый и эффективный способ преобразования своих стран не только на буржуазной, но и на социалистической основе. Эти представления сформировали уверенность интеллигенции в еще остававшихся азиатских континентальных империях, что путь к национальному освобождению идет через революцию и, главное, что это зависит в основном от субъективных факторов — политической и организационной активности, потому что в революционной волне (для социалистов начало которой положила революция в России) даже сравнительно отсталые страны могут получить помощь от более развитых и более подготовленных к новому уровню развития стран.

Национально-освободительные движения рассматривались как средство разрушения интегрированных континентальных империй, именно водоразделы между этническими и конфессиональными группами были той ахиллесовой пятой, которая оставляла надежду на их разгром: пропаганда идей национального освобождения, разжигание национальной ревности и зависти были действенными методами подрыва континентальных империй, которые были успешно опробованы западноевропейской элитой на той же самой Османской империи, когда от нее оторвали юг Балканского полуострова, создав практически с нуля новую воображаемую нацию — греков, прекратившую свое историческое существование за две тысячи лет до этого.

Проблемы строительства государств в странах Ближнего Востока связаны с тем, что все получившие независимость страны и те народы, которые, как курды или армяне, претендовали на ее получение, видели свое будущее исключительно в виде суверенных национальных государств (государств-наций). Это, однако, привело к обострению противоречий и усилению межгосударственной конкуренции, а также к разрастанию внутри стран межэтнических и религиозных конфликтов, которые вели к катастрофическим срывам социально-политического развития этих стран. Выход намечался в создании государств-федераций, в которых общегосударственная идентичность существует наряду с идентичностью всех этноконфессиональных общностей.

Литература / Reference

Гайдар Е. Т. *Гибель Империи*. Собрание сочинений в пятнадцати томах. Том 4. М., 2012. С. 11–424 [Gaidar E. T. *The Death of an Empire*. — Collected Works in Fifteen Volumes. Vol. 4. М., 2012. Pp. 11–424 (in Russian)].

Гегель Г. В. Ф. *Лекции по философии истории*. М., 1993. С. 480 [Hegel G. V. F. *Lectures on the Philosophy of History*. М., 1993. P. 480 (in Russian)].

Драч Г. В. Агональность — определяющий фактор цивилизационного развития Запада. *Научная мысль Кавказа*. 2022. № 1. С. 17–26 [Drach G. V. Agonality — a Determining Factor in the Civilizational Development of the West. *Scientific Thought of the Caucasus*. 2022. No. 1. Pp. 17–26 (in Russian)].

Ионин Л. Г. Вступительная статья редактора русского издания / Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии, в 4 т. Т. I. Социология. М., 2016. С. 445 [Ionin L. G. *Introductory article by the editor of the Russian edition / Weber M. Economy and Society: Essays on Understanding Sociology*, in 4 volumes. T. I. Sociology. М., 2016. P. 445 (in Russian)].

Лапшин С. И. «Восточный мир» в системе Гегеля. — Ориентация — поиск. Восток в теориях и гипотезах. М., 1992. С. 69–90 [Lapshin S. I. “The Eastern World” in Hegel’s System. — Orientation — Search. The East in Theories and Hypotheses. М., 1992. P. 69–90 (in Russian)].

Ленин В. И. *О праве наций на самоопределение*. Изд. 5, т. 25. С. 255–320 [Lenin V. I. *On the Right of Nations to Self-Determination*, Ed. 5, Vol. 25. Pp. 255–320 (in Russian)].

Парсонс Т. *Система современных обществ*. М., 1998. С. 270 [Parsons T. *The System of Modern Societies*. М., 1998. P. 270 (in Russian)].

Лукин А. В. Концепции «китаизации марксизма», «новой формы человеческой цивилизации» и «государства-цивилизации» в современном китайском идеологическом дискурсе. *Российское китаеведение*. 2023. № 1. С. 71–99 [Lukin A. V. The Concepts of “Sinicization of Marxism”, “New Form of Human Civilization” and “State-Civilization” in Modern Chinese Ideological Discourse. *Russian Sinology*. 2023. No. 1. Pp. 71–99 (in Russian)].

Наумкин В. В. Модель не-Запада: существует ли государство-цивилизация? *Полис. Политические исследования*. 2020. № 4. С. 78–93. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.06> [Naumkin V. V. *The Non-West Model: Does a State-Civilization Exist? Polis. Political Studies*. 2020. No. 4. Pp. 78–93. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.04.06> (in Russian)].

Рейснер Л. И. *Разделение труда и способ общения в докапиталистических цивилизациях* / Рейснер Л. И. Цивилизация и способ общения. М., 1993. С. 14–29 [Reisner L. I. *Division of labor and the mode of communication in pre-capitalist civilizations* / Reisner L. I. Civilization and the mode of communication. Moscow, 1993. Pp. 14–29 (in Russian)].

Розов Н. С. Полемогенная волна революций 1917–1927 гг. как историческая лаборатория. *Сравнительная политика*. 2017. № 4. С. 5–19 [Rozov N. S. *Polemogenic wave of revolutions of 1917–1927 as a historical laboratory. Comparative politics*. 2017. No. 4. Pp. 5–19 (in Russian)].

Шлыков П. М. Историческая динамика социальных протестов в Турции. *Вестник Московского университета*. Серия 13: Востоковедение. 2015. № 4. С. 34–55 [Shlykov P. M. Historical dynamics of social protests in Turkey. *Bulletin of Moscow University. Series 13: Oriental Studies*. 2015. No. 4. Pp. 34–55 (in Russian)].

Pipes Daniel. *Greater Syria: the History of an Ambition*. New York: Oxford University Press, 1990. 240 p.

Электронные ресурсы / Electronic resources

Аш-Шараа: в Сирии должен быть социальный договор между государством и общинами. ТАСС, 17.12.20244. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/22688797> (дата обращения: 20.05.2025).

Иванов Н. А. Упадок Востока и переход мировой гегемонии к странам Западной Европы. Восток. 1994. № 4. URL: <https://vostlit.info/common/Stat/Ivanov/text.phtml?id=111> (дата обращения: 31.05.2025).

Путин объяснил, почему считает распад СССР крупнейшей катастрофой XX века. РИА Новости, 13.06.2017. URL: <https://ria.ru/20170613/1496353896.html>. (дата обращения: 20.05.2025).

Пушкин А. С. Восстань, о Греция, восстань. URL: <https://www.culture.ru/pocms/4886/vosstan-o-greciya-vosstan>. (дата обращения: 15.05.2025).

Рабочая партия Курдистана объявила о самороспуске. ТАСС, 12.05.2025. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/23915369> (дата обращения: 25.05.2025).

Четырнадцать пунктов Вильсона. URL: <http://www.grinchevskiy.ru/1900–1945/chetirnadcat-punktov.php> (дата обращения: 07.06.2025).